

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ ЕВРОПЫ

Дмитрий Тренин

Государства Европейского Союза и европейские члены НАТО, а также тяготеющие к ним страны (для краткости – политическая Европа или просто Европа) являются активными участниками опосредованной войны против России. Более того, вследствие успехов российской армии на украинском театре военных действий и возобновления при президенте США Д. Трампе российско-американского диалога враждебность Европы по отношению к России выросла и продолжает расти. Теперь Европа не только выступает в качестве основного политического адвоката и финансового спонсора киевского режима, поставщика оружия и боеприпасов для него. Она начинает активно готовиться к непосредственной войне с Россией уже в среднесрочной перспективе – официально в сценарии «отражения российской агрессии против стран НАТО».

Эти особенности поведения политической Европы – западного соседа России - требуют пристального рассмотрения корней такого курса и выработки предложений для формулирования российской стратегии в отношении стран ЕС/НАТО. В предлагаемом тексте делается попытка определиться с актуальной парадигмой отношений с Европой – как в конкретных условиях украинского кризиса, а также в рамках общей конструкции российской внешней политики, отдающей приоритет развитию партнёрских отношений с новыми центрами силы - странами Мирового большинства.

Место Европы в современном мире

Многополярность мира из лозунга 1990-х гг. превратилась в реальность 2020-х. Наряду с США, Китаем, а также Россией на роль мировой великой державы выдвигается Индия. Возросло влияние ряда динамично развивающихся стран на всех континентах: Бразилии и Турции, Саудовской Аравии и Ирана, Индонезии и ЮАР. Напротив, страны политической Европы, утратив центральность своей роли в мире в результате Второй мировой войны и центральность своего стратегического положения после окончания Холодной войны, в настоящее время переживают упадок своей сравнительной экономической и финансовой мощи, а также политического влияния в мире. Центр мировой политики и экономики смещается в Азию, Европа же постепенно уходит на мировую периферию.

Параллельно со снижением доли стран Запада в мировом ВВП происходит снижение и доли стран ЕС внутри коллективного Запада: Европейский Союз всё больше отстаёт от США. Доля евро в международных расчётах существенно сократилась по отношению к доле американского доллара, американские банки существенно потеснили европейских конкурентов. Особенно серьёзное значение для будущего положения Европы имеет технологическое отставание ЕС от США в области искусственного интеллекта и других передовых технологий. На фоне изменения политического и идеологического курса США при Трампе Европа остаётся зоной преобладания либерал-глобализма, переживающего глубокий кризис. Отказавшись по политическим и идеологическим причинам от российского предложения о создании «Большой Европы от Лиссабона до Владивостока», а затем почти до основания разрушив экономические связи с Россией, Евросоюз столкнулся с угрозой маргинализации в мировой политике и экономике.

Происходит и перегруппировка сил внутри Евросоюза. Здесь ослабли позиции традиционно ведущих стран блока – Германии и Франции. Другая крупная европейская страна - Великобритания покинула ЕС. Вместе с тем выросло влияние Польши и ряда небольших стран-соседей России, отличающихся откровенно антироссийской риторикой. Возникла и небольшая группа стран-диссидентов, открыто оппонировавших «генеральной линии» Брюсселя и стремящихся

отстаивать национальные интересы. Речь идёт о Венгрии и Словакии, а за пределами ЕС – о Сербии и Республики Сербской в составе Боснии и Герцеговины.

В условиях украинского кризиса под угрозой оказался и сам европейский проект – особенно в отсутствие чёткого стратегического целеполагания. Сейчас европейские элиты – на уровне руководства ЕС и правительств стран-членов – пытаются использовать этот кризис для реиндустриализации своей экономики (через милитаризацию), укрепления внутреннего единства союза (через политическую и военную консолидацию на антироссийской платформе) и восстановления международной субъектности ЕС (прежде всего в отношениях с США, Россией и Китаем). Результаты этих усилий станут видны через несколько лет.

Европа и украинский кризис

Кризис в отношениях Европы и России, назревавший с начала 2000-х гг., вышел на поверхность осенью 2011 г., когда после решения Владимира Путина идти на третий президентский срок европейцы осознали, что руководство России твёрдо намерено идти путём суверенизации. Надежды в Германии и других странах, на то, что им удастся превратить Россию в политически контролируемый ими сырьевой придаток ЕС, окончательно развеялись. Русская весна 2014 г. продемонстрировала Европе, что Россия способна не только высказывать своё мнение, но и защищать – при необходимости силой – свои национальные интересы. Европейские правительства были шокированы даже частичным восстановлением России как великой державы. Они стали сворачивать партнёрские отношения с Москвой и вместе с США укреплять восточный фланг НАТО.

Конфликт вокруг Украины возник во многом в результате стремления стран Евросоюза разорвать исторически теснейшие связи Украины с Россией и превратить эту бывшую советскую республику в зону своего влияния и контроля. При этом ЕС, стремясь «ассоциировать» Украину и сделать её геополитическим буфером и новым полем экономической экспансии, демонстративно отказался от какого-либо учёта экономических интересов России. Представители государств ЕС, выступавшие посредниками на переговорах между тогдашним президентом Украины В. Януковичем и оппозицией, отказались от гарантий, которые они давали Януковичу, и поддержали антиконституционный переворот 2014 г. Главы Германии и Франции, подписавшие Минские договорённости 2015 г., позднее публично признали, что рассматривали это соглашение не как основу для решения внутриукраинского конфликта, а как передышку, необходимую Киеву для последующего силового подавления Донбасса.

Руководители европейских стран НАТО отвергли российские предложения по евробезопасности, переданные им Москвой в конце 2021 г. С началом специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г. страны Европейского Союза и Великобритании прервали нормальное политическое общение с Россией и начали вводить против неё одним за одним многочисленные пакеты экономических санкций, причём зачастую не вслед США, а раньше них. Любые контакты с Россией были сведены к минимуму. Товарооборот между ЕС и Россией за три года сократился в семь раз. В апреле 2022 г. тогдашний премьер-министр Великобритании Б. Джонсон отговорил руководство Украины от подписания уже подготовленного и парафированного в Стамбуле проекта договора между Россией и Украиной, подтолкнув Киев к продолжению войны при поддержке Запада. С 2022 г. европейские государства предоставили киевскому режиму масштабную финансовую, экономическую и военную помощь, по разным позициям сопоставимую с помощью со стороны США или даже превосходящую её.

Истоки европейского поведения

Поведение европейских государств в украинском конфликте заставляет нас существенно скорректировать наше сформировавшееся ещё в годы холодной войны отношение к Европе как к

всего лишь группе вассалов США, безропотно выполняющих волю своего сюзерена. Европейские элиты решили использовать украинский конфликт как повод для самоутверждения в режиме противостояния с Россией. Позднее, с возвращением к власти Д. Трампа, стремление к самоутверждению стало распространяться отчасти и на нынешнюю вашингтонскую администрацию. В этой связи возникшее было в нулевых годах представление о Европе как о «хорошем неагрессивном Западе» в отличие от «Запада плохого» - США – оказалось опровергнутым. Оценивая причины такого европейского поведения, мы должны хорошо помнить, что европейские державы в XX веке развязали обе мировые войны; что на совести элит этих держав – вековой позор колониализма, расизма, геноцида и работорговли, а также тяжелейшие преступления нацизма.

Нам не стоит забывать также и о том, что на протяжении 500 лет вплоть до окончания Второй мировой войны именно европейские государства являлись основными противниками России. Первая война России и Европы (тогда – в составе немецкой Ливонии, польско-литовской Речи Посполитой и Швеции) состоялась ещё в XVI веке. После этого несколько раз – в начале XVII, XVIII, XIX и XX веков России приходилось отстаивать свою независимость от посягательств соответственно Польши, Швеции, Франции и Германии. Вероломное нападение гитлеровской Германии в 1941 г. поставило под вопрос само физическое существование России; в отношении нашего народа нацисты осуществляли политику геноцида. В противостоянии Европы и России, таким образом, нет ничего принципиально нового.

Нередко европейские государства выступали против России совместно. Так было в 1812 г., когда Наполеон Бонапарт двинул на Россию войска не только Франции, но также «двунадесяти языков» со всей Европы. В Крымской войне 1853-1856 гг. против России выступила коалиция в составе Великобритании, Франции, Сардинии и Турции, а Пруссия и Австрия заняли по отношению к нашей стране откровенно недружественную позицию. В 1918-20 гг. в условиях гражданской войны в России Великобритания, Франция, Германия и десяток других стран Европы послали войска в нашу страну, преследуя свои геополитические интересы. В годы Второй мировой войны в агрессии против СССР вместе с германским вермахтом участвовали вооружённые силы стран сателлитов и формирования из многих завоёванных стран и территорий. На германскую военную машину работала промышленность практически всей континентальной Европы. Объединение многих стран Европы для борьбы с Россией – не новость.

Эти исторические примеры приведены не для того, чтобы подкрепить тезис о России как постоянной жертве европейских агрессоров. Все европейские страны постоянно враждовали и воевали друг с другом. Россия сама активно воевала с западными соседями, зачастую действуя инициативно и наступательно, и в результате прирастая новыми территориями. В ходе Наполеоновских войн, в Первую и Вторую мировые войны Россия была участником коалиций европейских государств. Ретроспективный взгляд необходим, чтобы уяснить, что нынешнее коллективное выступление большей части Европы против России, находящейся в одиночестве, – это явление, опирающееся на давнюю традицию. У Европы есть набор стимулов собираться против России: для устранения ближайшего конкурента, захвата богатых российских ресурсов и с целью продвижения собственной экономической и идеологической экспансии.

После окончания Второй мировой войны в условиях биполярного противостояния СССР и США международное значение Европы резко снизилось, но значение Европы как центра геополитического противостояния, напротив, выросло. Иными словами, Европа исчезла как субъект, но приобрела исключительную важность как объект державного соперничества. Восточноевропейские страны стали союзниками (фактически – сателлитами) СССР, а большинство западноевропейских государств вошли в возглавляемый США блок НАТО. Миллионные контингенты войск Востока и Запада стояли в центре Европы друг против друга. Появление ядерного оружия фактически гарантировало полное уничтожение Европы в случае войны между

Советским Союзом и Соединёнными Штатами. Ряд европейских лидеров периода холодной войны (Ш. де Голль во Франции, В. Брандт в ФРГ, политики в Италии и Австрии) выступали за разрядку международной напряжённости и экономическое сотрудничество с СССР. В тех условиях в Советском Союзе возник образ восточноевропейцев как «младших братьев» по соцлагерю, а западноевропейцев как мирных невинных жертв противостояния, вынужденных против своей воли (за исключением атлантистских кругов и ВПК) следовать политическому курсу Вашингтона.

В период разрядки (1970-е гг.) Москва стремилась закрепить территориально-политические итоги Второй мировой войны и наладить экономическое сотрудничество с Западной Европой – с тем, чтобы уменьшить угрозу войны, ослабив тяжёлое бремя военного противостояния; получить доступ к современным технологиям; а также заинтересовать правящие круги западноевропейских государств в мирном, взаимовыгодном и долгосрочном взаимодействии с Советским Союзом на основе баланса интересов. Эти усилия привели к заключению ряда политических и экономических договоров и соглашений и подписанию в 1975 г. Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Присутствовал в стратегии Москвы также геополитический расчёт на то, что западноевропейцы, убедившись в мирных намерениях СССР и заинтересовавшись экономическими выгодами от торговли с ним, смогут выйти из положения вассалов США. Этот расчёт, однако, не сработал.

Окончание Холодной войны подвигло руководство России к выдвижению идей общеевропейского дома, заявлениям о готовности к интеграции в евроатлантические и (западно-) европейские институты, формированию общих пространств с Евросоюзом и «бесшовному» общению и взаимодействию в рамках Большой Европы от Лиссабона до Владивостока. Москва позволила немцам объединиться путём поглощения Германской Демократической Республики Федеративной Республикой Германией, вывела войска из Восточной Европы и разрешила советским республикам Прибалтики выйти из состава Союза без каких-либо условий, признала административные границы, существовавшие внутри СССР, в качестве государственных. При этом Москва добивалась равноправных отношений с ЕС, что бесило европейские элиты. Европейский истеблишмент, радовавшийся распаду СССР, мыслил не категориями полноценной интеграции с Россией, а в направлении превращения её в сырьевой придаток ЕС, живущий по правилам, установленным для Москвы в Париже, Берлине и Брюсселе.

Разумеется, отношения России и европейских стран не исчерпываются войнами, конфликтами и противоречиями. Но этот тяжёлый и трагический опыт мы не имеем права забывать.

Причины агрессивности Европы в украинском конфликте

Нынешняя антироссийская политика Европы имеет под собой не только общие основания, но и конкретные причины.

- На рубеже 2020-х гг. Евросоюз переживал кризис целеполагания. Первоначальная цель евроинтеграции – предотвращение новых войн между европейскими нациями – была достигнута ещё в период Холодной войны. Следующей большой целью – после прекращения блоковой конфронтации – стало сочетание углубления евроинтеграции и расширения числа членов ЕС. Эта задача была в основном реализована к концу 2010-х. После этого у ЕС остался по существу единственный регион для потенциального расширения – Западные Балканы. По сравнению с предыдущими целями эта задача представлялась гораздо менее масштабной. В это же время ЕС стали расшатывать кризисы: миграционный, долговой, замедления экономического роста, а также геополитический, связанный с выходом Великобритании из ЕС.

Попытка выдвинуть в качестве новой важнейшей цели «зелёную повестку» фактически провалилась. На этом фоне переход украинского кризиса в острую фазу открыл перед руководством ЕС возможность выдвинуть новую большую идею: противоборство с Россией «в

защиту европейских ценностей» и «ради обеспечения безопасности Европы». С тех пор для европейских элит борьба с «российской угрозой» приобрела экзистенциальное значение: речь идёт об удержании власти либерал-глобалистской верхушкой европейских государств, объявивших Россию идеологическим, геополитическим и военным противником. В начале 2020-х гг. борьба с Россией стала важнейшей европейской «скрепой».

- Правящие элиты европейских стран за последние три-четыре десятилетия трансформировались в постнациональные. Они глубоко прониклись леволиберальной глобалистской идеологией, которая ставит «прогрессивные ценности» продвижения «демократии и прав человека», «гендерного разнообразия», «углеводородной нейтральности», «противостояния авторитаризму» выше национальных интересов своих стран. Наиболее наглядный пример этого – позиция правящей коалиции СДПГ и «зелёных» в ФРГ (2021-25 гг.) по вопросу импорта энергоресурсов, которая неизбежно запустила процесс деиндустриализации ведущей промышленной страны ЕС. В максимальной степени эти черты проявляются в идеологии и поведении высшей брюссельской бюрократии.

- Европейский проект выстроен на приоритете общих интересов сообщества государств над национальными интересами отдельных стран. Эта установка, вытекающая из идей либерального глобализма, вошла в противоречие с трендом на утверждение национальных интересов, который с 2010-х гг. активно развивался в остальном мире (Китае, Индии, России, Турции, Бразилии и множестве других стран, а с возвращением Трампа в Белый дом – также и в США). Европейский «сад», таким образом, оказался в окружении «джунглей» политического реализма. С этой точки зрения битва между Украиной, которая официально провозгласила курс на вступление в НАТО и ЕС, и Россией, отстаивающей свои собственные интересы безопасности и права этнических русских и православных людей на Украине, носит для Евросоюза принципиальный характер.

- Европейские элиты не случайно выдвинули Россию на роль «угрозы у ворот» и в этом качестве – своего «спасителя». Западноевропейские геополитики исторически боялись «нашей огромности»; философы традиционно рассматривали Россию как «Иное», соседствующее с Европой, но не принадлежащее ей; правые идеологи – как «низшую расу»; левые идеологи – как «отсталую автократию» и т.д. Были и конкретные обиды: у восточноевропейских элит – за 40-летний коммунистический период их истории, якобы несущий главную ответственность за их отставание от Западной Европы; у польских – за то, что Россия неоднократно участвовала в разделах их страны, отобрав у них в результате «восточные (украинские, белорусские и литовские) кресы»; у финских – за позор, как им представляется, «унизительной» политики «финляндизации» в годы Холодной войны; у немецких – за нашу Победу 1945 г. над гитлеровской Германией; у потомков нацистских коллаборантов в Прибалтике и на Западной Украине – за разгром их предков. Британские элиты, раскручивая традиционную для этой страны с XIX века русофобию, стремятся самоутвердиться за счёт России после того, как в 2016 г. вышли из ЕС; французские – хотят стать во главе заново перевооружившейся Европы и сыграть роль военного, политического и морального вождя ЕС и т.д.

- Консолидация стран ЕС перед лицом «российской угрозы» не в последнюю очередь вызвана опасениями относительно готовности и желания США гарантировать безопасность своих европейских союзников. Снижение приоритетности европейского направления внешней политики США началось после окончания Холодной войны, но процесс шёл медленно и неровно. Возвращение к власти Трампа и его первые шаги вызвали у европейских элит крайнюю степень беспокойства. Перспектива остаться один на один с Россией, без поддержки США – один из важных факторов, стимулирующих как милитаризацию Евросоюза, так и русофобскую истерию ЕС, направленную на формирование политической поддержки этой милитаризации.

- В результате «тихой» либерал-глобалистской революции 1990-х – 2020-х гг. изменился и тип личности формальных лидеров европейских стран. Самостоятельных ярких людей ранга упоминавшихся де Голля и Брандта, а также У. Черчилля, К. Аденауэра, Б. Крайского, Г. Шмидта и Г. Коля, Ж. Ширака, Г. Шрёдера, С. Берлускони и других, со второго десятилетия XXI века сменили не государственные деятели нового поколения, а бесцветные фигуры функционеров, представляющих транснациональные структуры, от которых они зависят. К ним относятся, в частности, действующий президент Франции Э. Макрон, череда недавних британских премьеров и целый «букет» глав правительств скандинавских и прибалтийских стран.

- После окончания холодной войны страны Евросоюза оказались неспособны превратить своё объединение в самостоятельный центр силы и фактически оставили внешнюю и военную политику Европы в руках США. Таким образом, период «стратегического отдыха» европейских элит – включая руководство таких держав, как Великобритания, Франция и Германия - от экзистенциальных вопросов внешней и военной политики своих государств продлился ещё на 40 лет. Три поколения номинальных лидеров, «свободных» от бремени ответственности за принятие экзистенциальных решений – это очень много. Подобное явление, определяемое как «стратегический паразитизм», характерно для многих сателлитов США, но наиболее ярко и полно оно проявилось именно в Европе – прежде всего в действиях первых лиц ядерных держав – президента Франции Макрона и нескольких недавних премьер-министров Великобритании.

- Несмотря на то, что Россия, недавно официально заявившая о себе как о государстве-цивилизации, постепенно отходит от прежнего – и избыточного - европоцентризма, Европа отдаляется от России гораздо стремительнее. После февраля 2022 г. европейские страны резко оборвали политические, экономические, спортивные, научные и культурные связи, разорвали логистические цепочки, стали физически отгораживаться от России заборами с колючей проволокой, рвами и минными полями вдоль границ. Из этого можно заключить, что, с точки зрения европейских элит, размежевание Европы с Россией носит не эпизодический, а долгосрочный характер.

- На рубеже XXI века изменилось содержание «восточной политики» стран Европы – в частности, Германии. Эта политика перестала быть по преимуществу направленной на поиск приемлемой формулы отношений с Россией. Вместо этого она стала обозначать действия Западной Европы по освоению европейского Востока: вначале членов НАТО и ЕС из числа бывших стран Организации Варшавского договора, а затем – также и бывших республик СССР (в рамках «Восточного партнёрства»). Россия при этом теряла свою приоритетность для стран НАТО/ЕС. Более того, Польша и страны Прибалтики, вступив в НАТО и ЕС, не успокоились, а стали требовать защиты от России, а затем – пытаться диктовать политику ЕС в отношении Москвы. Западноевропейским странам пришлось поначалу учитывать антироссийские настроения, преобладавшие в элитах восточноевропейских государств, а впоследствии, в условиях кризиса в отношениях с Москвой – самим генерировать русофобию.

- Важным негативным фактором является также то, что за десятилетия, прошедшие после окончания холодной войны, в обществах европейских стран практически выветрился страх перед мировой войной и угрозой применения ядерного оружия. В условиях опосредованной войны на Украине это выразилось в крайне слабом давлении общественного мнения европейских стран на своих политиков, проводивших не просто рискованную, а безрассудную политику постоянного провоцирования России. Это также снижало действенность российского ядерного устрашения на сознание элит и тем самым усложняло нашу задачу предотвращения мировой ядерной войны.

Таким образом, поворот Европы против России – не случайное стечение обстоятельств. Украинский кризис – это повод для агрессивности Европы по отношению к России, а не её причина. Соединяясь против нас, Европа реагирует на восстановление России как великой

державы. Характерно, что в нынешнем противоборстве объединённой Европы с Россией у нас нет, как это было почти всегда в прошлом, союзников в Европе. Нет даже нейтралов, которые играли роль геополитических буферов и переговорных площадок в период Холодной войны. Все бывшие нейтралы присоединились к НАТО/ЕС, и даже Швейцария стала членом антироссийской «санкционной» коалиции. В отличие от 2000-х-2010-х гг., в правящих элитах стран ЕС и Великобритании – за редким исключением - практически отсутствуют умеренные трезвомыслящие деятели. То, что ещё недавно могли себе позволить говорить разве что прибалты и поляки, сейчас слышится из Лондона, Парижа и Берлина.

Всего горстка европейских стран осмеливаются в этих условиях выступать с позиций своих национальных интересов: это уже упоминавшиеся члены НАТО/ЕС Венгрия и Словакия, а также Сербия и Республика Сербская в составе Боснии и Герцеговины. Эти государства - не «пророссийские» анклавы: их лидеры стараются действовать в соответствии со здравым смыслом. «Погоды» в ЕС и НАТО они не делают, и всерьёз опираться на них Москва не может, хотя работать с ними - должна.

Украинский конфликт и милитаризация Европы

Перехват в 2024 г. российскими войсками стратегической инициативы в конфликте на Украине очень встревожил европейцев. Их тревоги усилились до состояния истерики после возвращения к власти в США в начале 2025 г. Д. Трампа и возобновления российско-американского диалога. Солидаризируясь с политическими противниками Трампа в США, европейцы приняли ещё активнее поддерживать киевский режим, пытаясь одновременно сорвать диалог России и США.

Стратегическая автономия Европы в рамках Атлантического альянса, о которой периодически говорили ещё с начала 1950-х гг., но которая до сих пор не имела шансов на воплощение в жизнь, стала лозунгом дня. Возрождаются идеи создания Европейского оборонительного сообщества и Европейской армии. Обсуждается возможность реформирования НАТО с усилением в блоке европейской составляющей и передачей позиции верховного главнокомандующего Объединёнными вооружёнными силами альянса в Европе европейцам. При этом европейцы рассчитывают превратить то, что останется в итоге от Украины, в свой передовой военный форпост и плацдарм на границах России.

Дело не ограничивается выдвижением лозунгов и идей. Евросоюз за последние три года совершил рывок в унификации внешней, энергетической и инфраструктурной политики, укрепления блоковой дисциплины. В ходе реализации единой санкционной политики правящим элитам удалось сломить сопротивление деловых кругов, заинтересованных в экономических связях с Россией. Политические силы и отдельные политические и общественные деятели, выступающие с умеренных позиций по отношению к России, подвергаются остракизму. Несистемные партии не допускаются к власти под любыми предлогами. В результате Европа в борьбе с Россией пошла на дискредитацию себя в качестве морального авторитета.

Государства ЕС и Еврокомиссия предпринимают решения, направленные на расширение военного производства. Ощутимо растут военные расходы отдельных стран. В 2025 г. Германия специально изменила свой Основной закон с тем, чтобы иметь конституционное право увеличить государственный долг и тратить значительно больше на военные нужды и инфраструктуру. Заключаются договорённости об интеграции логистической сети европейских стран и упрощении правил перемещения войск и военной техники («военный Шенген»). Ведущие страны Европы – Германия и Франция, а также Польша обозначили масштабные планы перевооружения своих армий. Активно идёт оперативное освоение территории новых членов НАТО – Финляндии и Швеции. Страны, отменившие воинскую обязанность – такие как ФРГ – задумываются о её восстановлении.

Идёт интенсивная обработка населения европейских стран в духе «российской угрозы» и необходимости готовиться к войне с Россией уже к 2030 г. Основа для манипулирования большими массами людей уже была протестирована в период борьбы с пандемией КОВИД-19 и продвижения «зелёной повестки». Формируется, по сути, новый тип европейца, готового воевать с Россией. Технологии политико-психологической «перекодировки» сознания работают: на Украине с помощью инструментов воздействия на сознание граждан за 30 лет, и особенно за последние 10, удалось воспитать массовую ненависть к России и русским.

Особо следует выделить оживление в европейских политических дискуссиях ядерной тематики. Франция заявила о готовности заменить американский «ядерный зонтик» своими ядерными гарантиями странам ЕС. В Германии обсуждается вопрос о европейских - франко-британских - ядерных силах, к которым ФРГ также имела бы доступ. О желательности размещения на польской территории ядерного оружия США либо о приобретении самой Польшей ядерного оружия рассуждают в Варшаве. Эти заявления пока что носят риторический, а не практический характер, но оставлять их без внимания было бы неосмотрительно.

Ясно, что на реализацию планов новой милитаризации Европы потребуется время. Называются примерные даты обретения Европой «стратегической автономии» (т.е. способности «противостоять России без поддержки США»): минимально – пять лет, оптимально – десять. Вероятно, эти оценки чересчур оптимистичны. По многим важнейшим системам вооружений и боевого обеспечения вооружённых сил зависимость Европы от США критическая. Для её преодоления военная промышленность европейских стран и её технологическая база должны будут консолидироваться. Этот процесс предвещает быть очень сложным и болезненным. С другой стороны, ожидать разрыва военно-политических и военно-технических отношений между США и ЕС и становления европейского центра силы, конкурирующего с американским в геополитической области, в обозримом будущем не приходится. Американцы, добивающиеся от европейцев повышения военных расходов до 5% ВВП, рассчитывают, что страны НАТО будут закупать многие нужные им системы вооружения в США.

Пока можно констатировать, что динамика военного строительства в ЕС набирает силу, хотя и здесь слов пока что больше, чем конкретных дел. Подход Еврокомиссии и отдельных национальных правительств (Германии, например) к перевооружению скорее финансовый, «бухгалтерский». Скептики указывают, что для того, чтобы реально стать автономной военной силой, европейцам придётся существенно изменить свою экономическую, социальную и политическую модель. Готовы ли они пойти на это; получают ли властвующие элиты соответствующий мандат от своих избирателей, чьи социальные права будут урезаны; удастся ли преодолеть противоречия между интересами отдельных государств и производителей – вопрос пока открытый.

В то же время надо признать, что политический истеблишмент Европы пока что достаточно уверенно удерживает власть в своих руках, успешно парируя вызовы несистемных сил и купирова возникающие проблемы. Безжалостно обходясь с конкурентами, европейский истеблишмент демонстрирует также способность к собственному воспроизводству. Новая генерация формальных лидеров стран ЕС столь же или даже ещё более привержена идеям либерализма, что и их предшественники. Либерализм в современной Европе становится всё более нетерпимым и тоталитарным.

Нам нужно иметь в виду, что если будет выполнена даже только часть намеченного, мы получим новую военно-политическую реальность на наших западных рубежах. Вместо структуры, находящейся под полным контролем США, Россия может получить на западных границах гибридную европейско-американскую военно-политическую конструкцию, в которой Вашингтон

сохранит общие контрольные функции, но где участие европейцев будет значительно больше, чем в нынешнем НАТО, а процесс принятия решений может стать более запутанным.

Последнее обстоятельство повышает риски. Пытаясь «заменить американцев на восточном фронте», европейские правительства демонстрируют безрассудство и отсутствие стратегического мышления, атрофировавшегося за долгие десятилетия американской гегемонии. Это делает их особенно опасными не вследствие возможностей, которыми Европа пока что располагает, а с точки зрения вероятных тяжёлых последствий их провокаций. Европейцы буквально играют с огнём. Речь идёт, в частности, о публично озвученных намерениях блокировать для России выход из Финского залива; изолировать Калининград; закрыть Датские проливы для прохода судов, связанных с Россией, а также о возможности новых ударов по Крымскому мосту и другим российским объектам в Черноморском регионе.

Итак, перспективы трансформации Европейского Союза пока не прояснились. Сможет ли ЕС провести ремилитаризацию - и на этой волне оживить экономику в целом; станет ли Евросоюз более сплочённым или, наоборот, фактически распадётся на несколько частей; освободится ли ЕС от вассалитета по отношению к США – на эти вопросы сегодня нет ответа. Надо учитывать, что «отвязанный» от США Евросоюз может как погрузиться в междоусобные распри, так и с ещё большим рвением и большей безответственностью враждовать с Россией, провоцируя её на войну.

Пока же, учитывая поворот внешней политики США от либерал-глобализма к великодержавному политическому реализму, который осуществляет команда Трампа, приходится констатировать, что Европа заняла место главного противника России на западном направлении. Нам придётся исходить из того, что на обозримое будущее антироссийская политика останется основным стержнем европейской интеграции, а противостояние России – главным смыслом существования Евросоюза. Этот выбор требует существенной коррекции региональной стратегии РФ.

Стратегия России

Концепция европейской безопасности – т.е. предотвращения новой войны в Европе, - которой Москва придерживалась во второй половине XX века, оказалась нежизнеспособной после окончания Холодной войны, когда Россия ослабла, а страны НАТО в процессе расширения блока на восток отказались учитывать её интересы безопасности. В дальнейшем провал гегемонистской модели миропорядка, которую США стремились выстроить в Европе посредством расширения НАТО, привёл к опосредованной войне Запада против России на Украине.

В XXI веке очевидная взаимосвязь проблем безопасности в Европе и Азии заставляет рассматривать эти проблемы в комплексе. С учётом этого Россия выдвинула идею формирования архитектуры евразийской безопасности, охватывающей также страны Европы – но уже не в качестве центра предлагаемой системы. Полная реализация российской идеи может занять многие десятилетия. Выдвижение этой всеохватной идеи, однако, не должно препятствовать выработке – с учётом ситуации в Евразии и в мире в целом - стратегий обеспечения безопасности России на отдельных географических направлениях, включая европейское.

Наша стратегия на европейском направлении преследует прежде всего цель обеспечения внешней безопасности России и её союзника Белоруссии. Для достижения этой цели нам необходимо довести СВО до убедительной победы над врагом и добиться – в том числе с применением дипломатических инструментов - удовлетворительного для России решения украинской проблемы.

В среднесрочной перспективе нам нужно иметь в виду возможность войны с натовской Европой (при определённой поддержке её со стороны США) и готовиться действовать в различных

сценариях начала и развития такого конфликта. Возможность такой войны не означает, однако, её неизбежность. Сдерживая противника путём ядерного устрашения и других мер военного, военно-технического и иного характера, мы одновременно должны демонстрировать готовность к диалогу с разумными представителями европейских обществ.

Европа как таковая не является нашим врагом. Речь идёт не столько о недружественных государствах, сколько о недружественных элитах конкретных стран. Нашим противником в Европе является политический истеблишмент государств ЕС/НАТО и руководство европейских и атлантических институтов, а также аффилированные с ними круги (мейнстримовские СМИ, пропагандисты, деятели ВПК и т.д.) Против этих лиц мы должны вводить санкции и при необходимости (соучастие в преступлениях против граждан России) заводить уголовные дела.

Необходимо настаивать не только на снятии антироссийских санкций, но и на компенсации ущерба, причинённого ими России. Наряду с этим нужно требовать возвращения замороженных российских активов и выплаты замороженных доходов, включая упущенную выгоду. Все действия европейских элит, направленные против России, должны скрупулёзно регистрироваться, подтверждаться документально и становиться основой для предъявления исков в будущем.

Что касается обществ, деловых кругов, граждан европейских стран, то мы рассматриваем их в качестве соседей. Мы готовы к диалогу и партнёрскому взаимодействию с ними на основе совпадающих интересов. Даже в нынешних условиях торговля России и ЕС, сократившись в семь раз, сохраняется – в том числе с использованием обходных путей. Экономический интерес сейчас не является решающим для европейских элит, но в долгосрочной перспективе он может стать фактором нормализации отношений между Россией и Европой – уже на новой основе.

Пока же, в ходе продолжающегося конфликта вокруг Украины, нам следует предупредить руководство Великобритании и Франции о том, что в случае посылки ими – под любым предлогом и в любом качестве – регулярных вооружённых сил на территорию Украины Россия будет рассматривать эти государства как непосредственную сторону конфликта - со всеми вытекающими последствиями.

Москва должна также предупредить Лондон и Париж о том, что передача ими определённых видов вооружений Киеву может заставить нас нанести ответные удары по британским или французским объектам. У противника не должно оставаться сомнений в том, что в случае большой войны в Европе Россия будет готова применить все имеющиеся у неё средства, включая ядерное оружие.

Принимая во внимание стойкую враждебность европейских элит по отношению к России, их незаинтересованность в существенном улучшении отношений с Москвой, наша стратегия обязана исходить из незаинтересованности России не только в дальнейшем усилении и расширении Евросоюза, но и в самом его существовании. Признав, что ЕС, как и НАТО, – враги России, Россия не должна поддерживать отношения с руководством обеих организаций. Исключение – канал экстренной связи с верховным военным командованием НАТО.

Интересам России соответствует дезинтеграция ЕС, которая позволила бы нам выстраивать конструктивные отношения с отдельными европейскими странами. Сознвая, что открыто работать на раскол ЕС было бы для нас контрпродуктивно, мы, тем не менее, должны использовать любые открывающиеся в этой связи возможности. Признавая, что объединённая Европа для нас – не партнёр даже в долгосрочной перспективе, нам стоит продолжать перемещение дипломатических ресурсов от ЕС к странам Мирового Большинства.

Необходимо практиковать дифференцированный подход к различным государствам ЕС, соответствующий нашим интересам и реалиям той или иной страны. Наиболее важными для нас

остаются крупнейшие страны ЕС – Германия, Франция, Италия, а также Великобритания. Сейчас расклад политических сил в этих странах для нас неблагоприятен. Политический диалог с ними прерван и вряд ли был бы сейчас продуктивен. Партии в парламентах этих стран, занимающие реалистическую позицию в отношении России (например, «Альтернатива для Германии»), находятся в политической изоляции и под угрозой запрета. Возможность прихода к власти несистемных сил (например, во Франции на выборах 2027 г.) невелика.

Для России вредно и бесперспективно пытаться вмешиваться во взаимоотношения между европейскими странами и играть на противоречиях внутри этих стран. Такие противоречия могут обостриться в случае фрагментации ЕС и прихода к власти в европейских странах националистических сил. Вмешательство России в подобные конфликты было бы сопряжено с очевидными рисками и неоправданными затратами ресурсов. Влиять на политику ведущих или важных для России стран Европы мы можем только косвенно. Наша задача-минимум – удержать европейские страны (в том числе обе ядерные державы Европы) от опасных шагов, угрожающих военным столкновением с нами.

Рассчитывать на то, что экономические интересы заставят европейцев отказаться в обозримой перспективе от идеологизированного и мифологизированного подхода к России, не приходится. Бизнес пока что не способен противостоять давлению политиков и идеологов из СМИ. Тем не менее, мы можем предположить, что поставленная задача резкого повышения военных расходов и милитаризации обществ европейских стран потребует от населения Европы существенных жертв, что может стать поводом для их недовольства. Это недовольство, в свою очередь, может вызвать стремление граждан к более объективной оценке ситуации в отношениях ЕС и России. Не переоценивая значения фактора общественного давления на европейскую политику, мы должны искать возможности для выгодного для нас делового сотрудничества с европейскими предпринимателями (в том числе в третьих странах), стремиться налаживать откровенный диалог с отдельными парламентариями, общественными и культурными деятелями европейских стран, которые открыты к общению.

Наши соседи на северо-западе – скандинавы и прибалты – относятся к России особенно враждебно. Никаких возможностей для нормализации отношений с ними не просматривается даже в отдалённой перспективе. Здесь мы должны стремиться к тому, чтобы непосредственные соседи России в полной мере сознавали цену возможных с их стороны провокаций на границе, а также вокруг Калининграда, в Финском заливе, Датских проливах, Балтийском и Баренцевом морях и на архипелаге Шпицберген. Мы должны продолжать выступать против дискриминации русскоязычных *неграждан* в Латвии и Эстонии, реабилитации пособников нацистов в Прибалтике, а также дискредитировать прибалтийскую русофобию и её адептов.

В ситуации, когда Польша становится основной военной базой НАТО и ЕС на западной границе России, нам особенно важно укреплять Союзное государство России и Белоруссии. С этой целью необходимо не только повышать достоверность ядерного устрашения – в том числе с территории Белоруссии – и повышать потенциал совместной российско-белорусской группировки войск и сил, но содействовать политической и социальной стабильности Белоруссии, гарантирующей нам и нашим ближайшим союзникам неповторение попытки «цветной революции» 2020 г.

Учитывая нерешённость застарелого конфликта между Молдовой и Приднестровьем, нам стоит более внимательно отслеживать политические процессы, происходящие в Румынии. В наших интересах – способствовать большей самостоятельности Бухареста по отношению к Брюсселю, следование Румынии по пути соседней Венгрии в защиту своего суверенитета.

Необходимо продолжать взаимодействие с Венгрией и Словакией как с государствами ЕС и НАТО, отстаивающими свои национальные интересы. Вместе с традиционно дружественной России Сербией и Республикой Сербской в составе Боснии и Герцеговины эти страны могут в будущем

образовать неформальный квазинейтралистский альянс в Срединной Европе, к которому со временем могут присоединиться другие страны, не настроенные на конфронтацию с Россией, в т.ч. Австрия и Румыния. Юго-западное направление нашей политики в Европе является, таким образом, относительно перспективным.

В данном материале мы не рассматриваем Турцию. Несмотря на её членство в НАТО и тесные связи с США, Турция проводит самостоятельную политику и уже стала крупной региональной державой. Несмотря на существенные различия в национальных интересах РФ и Турции и имеющиеся в этой связи трения и потенциальные столкновения по тем или иным вопросам, Москве очень важно поддерживать рабочие отношения с Анкарой – в том числе для сохранения нынешнего правового режима Черноморских проливов.

Мы должны с удвоенной энергией укреплять свои позиции в Арктике, которая вновь становится полем противостояния России и НАТО. Речь идёт о повышении потенциала Северного Флота, ускоренном развитии Арктической зоны Российской Федерации, наращивать способностей и возможностей для защиты интересов страны в регионе, в т.ч. в экономической зоне России и наших законных позиций на архипелаге Шпицберген. Необходимо развивать нашу политико-дипломатическую и юридическую концепцию эксплуатации Северного морского пути, учитывая, что СМП – это российская логистическая артерия и в то же время маршрут, имеющий всемирное значение.

Поле нашего противоборства с ЕС/НАТО не ограничивается географической Европой с прилегающими морями и океанами. Мы должны противостоять вредоносному влиянию европейских институтов и ведущих государств в странах нашего Ближнего Зарубежья, особенно государствах Закавказья, в Казахстане и Средней Азии, с целью уменьшения и устранения такого влияния. Речь идёт не столько о военно-политическом и военно-техническом проникновении противника в указанные регионы, сколько о его финансовом проникновении, идеологическом влиянии и попытках управлять элитами соседних с нами государств, настраивая их против России. В этой борьбе мы должны обязательно выступать в союзе с местными патриотическими и дружественными России силами.

Наряду с этой фактически оборонительной стратегией нам нужна и стратегия наступательная. В Северной, Западной и Центральной Африке Россия развивает сотрудничество в области безопасности со странами, некоторые из которых после получения независимости находились в сфере влияния Франции. Этот процесс означает не передел сфер внешнего влияния на Африканском континенте, а открытие перед африканскими странами возможностей для более свободного развития во всех областях. Для России возвращение в Африку представляет прежде всего экономический интерес, а для всего мира – ещё один шаг к освобождению от европейского неокOLONIALИЗМА и мировой гегемонии Запада.

Мы должны внимательно отслеживать отношения Европы с нашими основными партнёрами из числа стран Мирового Большинства – Китаем и Индией. Китай и Евросоюз укрепляют свои отношения перед лицом экономического давления со стороны США; Индия и ЕС также рассматривают друг друга в качестве важнейших экономических и технологических партнёров. Нам требуется прилагать усилия для того, чтобы укрепление китайско-европейских и индийско-европейских связей не наносило ущерб России, не приводило к опосредованному – через Пекин и Дели - давлению на нас со стороны Европы. В идеале, учитывая большую зависимость ЕС от китайского и индийского рынков, мы могли бы использовать наши отношения с партнёрами для давления на Европу, но в своём нынешнем положении мы вряд ли можем рассчитывать на это. Минимум того, что мы в состоянии делать, – это обсуждать общее видение современной Европы с нашими партнёрами по БРИКС, ШОС и ЕАЭС; максимум – координировать политику в отношении НАТО и те или иные аспекты политики в отношении ЕС.

Стратегия РФ на европейском направлении может быть реализована преимущественно в формате двусторонних отношений с теми или иными государствами. Общеввропейский институт – ОБСЕ – является для нас бесполезным. России следует как минимум приостановить своё участие в нём или существенно понизить уровень этого участия. Участие в работе региональных советов сотрудничества – на Баренцевом море, на Балтике и в Черноморском регионе – должно оставаться приостановленным до изменения позиции других стран-участниц в отношении России.

Стабилизация конфронтации

После окончания СВО мы должны готовиться к длительному противостоянию с НАТО и продолжительной гибридной войне с ЕС. Вероятность большой войны при этом не исключается; Россия должна быть к ней готова. Собственно, единственный общий объективный интерес России и Европы состоит в недопущении крупномасштабного вооружённого конфликта между РФ и НАТО/ЕС, способного перерасти в ядерную войну. Этот интерес может быть реализован путём укрепления и регулирования конфронтационной стабильности вдоль чёткой разделительной линии в Европе в духе зрелого периода Холодной войны второй половины 1960-х-1970-х гг.

С целью поддержания такого рода стабильности необходимо укрепить ядерное устрашение в отношении европейских противников. В противостоянии с НАТО/ЕС следует делать упор на ядерные вооружения (в т.ч. дислоцированные в Белоруссии и Калининградской области) и ракетные системы средней дальности («Орешник»). Нужно дать понять противнику, что на его акты войны (попытки сухопутной и/или морской блокады российских территорий или портов) Россия может ответить ядерными ударами. Необходимо предупредить руководство Германии, что попытки Берлина приобрести ядерное оружие будут пресечены Россией силовым путём.

Важно также усилить оборону на западном направлении – в частности, системами ПВО, средствами борьбы с БПЛА, морскими безэкипажными катерами (БЭКа), системами радиоэлектронной борьбы (РЭБ). При этом, памятуя опыт Советского Союза, категорически следует избегать втягивания России в количественную гонку обычных вооружений, а также постоянного наращивания численности Вооружённых Сил и общей милитаризации страны. Наше военное строительство должно строго следовать принципу достаточности для решения поставленных задач. Мы должны рассматривать конфронтацию с Европой как вынужденное отвлечение нашего внимания и наших ресурсов от решения задач трансформации и развития России, которое в конечном счёте определит положение и роль нашей страны в мире XXI века.

Гипотетическое урегулирование украинского конфликта необходимо предполагает по крайней мере частичную нормализацию торгово-экономических отношений с государствами – нынешними противниками России. Вряд ли эта нормализация окажется быстрой. В любом случае важно, чтобы она не привела к простому возвращению западного, включая европейский, бизнеса на те позиции в России, которые он занимал до 2022 г. За годы СВО российская экономика начала двигаться в направлении самодостаточности, реиндустриализации, технологического суверенитета. Решения о допуске европейцев в проекты на территории России, когда это станет актуальным, должны приниматься с учётом общей стратегии развития страны и конкретных интересов российских производителей и предпринимателей. Никакая нормализация не должна, однако, привести к ослаблению нашего сотрудничества со странами Мирового Большинства и общей переориентации России назад на Европу.

У нашего народа есть замечательная черта – прощать поверженных врагов, не напоминая им о той боли, которую они нам причинили. Нашим государственным деятелям, однако, стоит хорошо запомнить и проанализировать поведение тех европейцев, которые лично участвовали в войне против нас, кто ответственен за поставки вооружений и предоставление разведывательной информации для нанесения ударов по нашей стране, кто планировал и помогал осуществлять

теракты против наших граждан и диверсии против наших объектов, кто призывал к убийству русских или оправдывал такие убийства. Всем им не должно быть прощения.

Заключение. Российская цивилизация и Европа

Историческое ядро России расположено в географической Европе. В нашей внутренней идеологической работе и внешней пропаганде, однако, необходимо постоянно подчёркивать, что Россия – самостоятельное государство-цивилизация, культурные корни которой уходят в православие, воспринятое русскими от Византии и чья политическая система была выкована в условиях длительной борьбы, сотрудничества и тесного взаимодействия с Монгольской империей. Европейский период нашей истории (XVIII-XX вв.) был важным этапом нашего культурного, технического и экономического развития, но он завершился. Мы унаследовали лучшее, что дала миру великая европейская культура прошлого. Сегодня, однако, европоцентризм – признак интеллектуальной зависимости и моральной деградации.

Европа – наш сосед, и таковым останется. На сегодняшний день мы всё ещё знаем и понимаем Европу лучше, чем другие регионы Евразии, не говоря уже о других континентах (единственное исключение – США). В этом наше преимущество. В политической работе со странами Европы нам нужно налаживать и поддерживать связи как с правыми консерваторами и традиционалистами, так и с левыми партиями движениями – всеми здравомыслящими кругами соседних стран. Таким образом мы должны стремиться продвигать свои интересы через общение со всеми составляющими общественного спектра. Главное - сознавать, что наше грубое вмешательство во внутренние дела европейских стран приведёт к результатам, противоположным желаемым.

В нашей политической и пропагандистской работе с европейцами необходимо умело сочетать серьёзные предостережения и искреннюю открытость к диалогу и взаимодействию. Нужно смотреть в будущее, стремиться влиять на соседей в выгодном для нас направлении, удерживая их от опасных шагов и одновременно привлекая возможностями взаимовыгодного сотрудничества. Здесь не должно быть иллюзий. Апеллируя к остаточному рационализму европейцев, мы должны постоянно демонстрировать несостоятельность мифа о российской военной угрозе Европе, но при этом указывать на неотвратимость ответа на те или иные враждебные действия наших противников.

Не вмешиваясь в политическую борьбу внутри европейских государств из-за контрпродуктивности такого вмешательства, нам стоит активнее работать на информационном поле и в области идеологии. Мы можем и должны вступать в коалиции с отдельными категориями и группами европейцев по конкретным темам. Критикуя евроглобализм, нам есть смысл брать в ситуативные союзники местный национализм конкретных стран. Критикуя транс- и постгуманизм и другие прогрессистские философские конструкции, мы можем взаимодействовать с представителями традиционных религий (особенно римско-католической) и лидерами общественного мнения, придерживающимися здравого смысла.

Продолжая направлять свои дипломатические ресурсы на страны Мирового Большинства, мы не должны прекращать глубоко изучать страны Европы и внимательно отслеживать их трансформацию. Российская европеистика должна получить новый импульс и новое направление развития. Вместо исследований на утратившую актуальность тему интеграции России в Большую Европу необходимо сделать упор на выяснение реальных способностей и возможностей европейских стран в их противостоянии с Россией; перспектив трансформации Евросоюза, в т.ч. возможности смены нынешних европейских элит или эволюции их взглядов на отношения с Россией; возможностей экономического и иного сотрудничества с отдельными странами Европы, открытыми или открывающимися для такого сотрудничества.

В нашей самобытной и сложной цивилизации есть европейский элемент, от которого мы ни в коем случае не должны отказываться, поскольку он делает нас богаче и сильнее. Европа, однако, в начале XXI века перестала быть для России моделью и ментором и стала одним из крупных соседей, отношения с которым сейчас проходят стадию размежевания и враждебности (преимущественно со стороны Европы). Эта стадия тоже когда-то будет пройдена. В наших интересах – переформатирование отношений со странами, расположенными к западу от границ России, на основе соседства, равноправия и взаимного уважения. Путь к этому не близок и не прям. Но он может быть пройден.

Москва, 6 мая 2025 года